

A. KARST

WARSWORD

Symphony of the night

La Isla Bonita

*The night nocturna will sound
On the island of happiness*

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

А Карст
Warsword : Symphony of the Night

<https://litres.ru/74098253>

SelfPub; 2026

Аннотация

Когда боги смотрят с ночного неба, они видят лишь болезнь и ужас на этом забытом острове который стал жертвой старого врага.

А Карст

Warsword : Symphony of the Night

РАССКАЗ ВТОРОЙ:СИМФОНИЯ НОЧИ

Предисловие

Остров Санкориум всегда пах солью, гнилью и старыми молитвами.

Мы говорили, что море защищает нас, но на самом деле оно лишь медленно отрезало пути к бегству.

Наш правитель — имя его теперь произносят шёпотом, если вообще произносят — давно сгнил заживо. Корона выросла ему в череп, а пальцы были навечно испачканы золотом и кровью. Он продавал всё: законы, людей, сам остров. Александрия тянула к нам щупальца — иногда напрямую, иногда через осколки, через торговые дома, тайные договоры и чужие молитвы.

Но настоящий яд пришёл не с кораблями.

Леди Сиф.

Советник.

Чужачка.

Примяком из Старого Света.

Она говорила мягко, будто каждое слово было благословением. Но за её голосом скрывалась пустота, от которой болели зубы и трескались зеркала. С её появлением ночи стали длиннее, а тени — гуще. Люди начали пропадать. Сначала нищие. Потом дети.

А потом всё раскололось.

Сектанты вышли из подвалов и заброшенных храмов, словно всегда там ждали. Они пели — не хором, а какофонией, будто каждый слышал свою мелодию. Их песня разбудила Красную Хворь.

Она не убивала сразу.

Сначала кожа наливалась багровым, будто человек был изнутри залит вином. Потом начинались сны — одинаковые у всех: черное небо, колокол без языка и кровь, падающая

вверх. Те, кто просыпался, уже не были прежними. Те, кто не просыпался, начинали петь.

Город захлебнулся.

Храмы закрылись. Стража сбежала или продалась. Правитель заперся во дворце, окружив себя печатями и ложью. Леди Сиф исчезла — или стала чем-то большим, чем просто женщиной.

А мы остались.

Меня зовут Тиль.

Я родился здесь и, скорее всего, здесь же умру.

Я один из детей Санкориума — тех, кто вырос на руинах и научился различать шаги в темноте.

Мне предстоит выяснить правду.

Не ради спасения — для этого уже слишком поздно.

А ради памяти.

Потому что если остров падёт, кто-то должен будет рас-

сказать, как именно.

И когда ночью город снова начинает петь,

Я слушаю.

Арка 1: Из пламени костёр

Глава 1

Год 3250

Леди Сиф стояла на коленях перед Александром.

Ей было всего восемнадцать лет — слишком мало, чтобы нести на плечах грехи империи, и достаточно, чтобы понять: выбора у неё нет. Каменный пол зала впитывал холод, а тени от факелов тянулись к ней, словно пытались удержать.

Император был укутан в тёмный плащ с глубоким капюшоном. Лица его почти не было видно. Он уже готовился покинуть континент. Бегство, прикрытое словом «отступление».

Страх потери всей семьи оказался сильнее страха за империю.

Но даже в бегстве он оставался императором.

И потому — отдал приказ.

Он говорил, и голос его эхом расходился под сводами:

— След войн бесконечных,

Смерть пробуждает вновь.

На колгофе беспечны

Мы, и повсюду — кровь.

Здесь рождены мы

Из пламени костров.

Погребальный зажжём мы —

Он столько жизней сотрёт.

Сиф не подняла головы.

Её пальцы дрожали, но не от страха — от нетерпения.

— Мне нет покоя в ночи, мой повелитель, — произнесла она тихо. — Пока я не отдам свой долг Империи. Свою душу.

Тишина повисла тяжёлой тканью.

Наконец он ответил:

— Отправляйся на Санкориум.

Одно слово — как приговор.

— Разруши их. Ты хитра и сильна. Я доверяю тебе эту миссию.

Прокляни их своим желанием.

Веди их — пусть они к ризнице бредут, слепые и покорные.

Он отвернулся.

— А меня... — добавил он почти шёпотом, — зовёт зловещий зов.

Леди Сиф улыбнулась.

В тот момент на острове Санкориум ещё никто не знал,
Что их гибель уже стоит на коленях —

И ждёт разрешения встать.

Правитель острова радушно встретил Сиф. Она привезла богатства, золото и редкие дары, которые позволили Санкориуму вырваться из кризиса. Владыка впервые за долгие годы вздохнул свободно, поверив, что спасение возможно. Но истинная цена была невидима.

Сиф не была гостем. Она стала его серым кардиналом, тайной тенью, что держала его за горло, пока он думал, что управляет ею. Она шантажировала его знанием всех его пороков — убийств родных ради золота, краж у народа, увлечений богатством до безумия. И каждый день правитель понимал: один неверный шаг — и она откроет тайну. Остров утонет в хаосе, а он сам станет пешкой в чужой игре.

Благосостояние, которое она приносила, было иллюзией. Золото гасило кризис, но не растапливало страх, не заживляло пустоту. И вскоре начали пропадать дети. Сначала по одному, потом группами. Среди них были те, кого коснулась экосфера — та странная сила, что делала их проводниками

чего-то чуждого, страшного.

И это было только начало.

Сиф погрузила правителя в секту Богини Крови. Молитвы звучали одновременно как заклинания и приговоры. С каждым ритуалом её власть росла, а преданность владыки превращалась в слепую зависимость. Секта разрослась, как тёмная корка на теле города: массовые молитвы, жертвоприношения, призывы к демонам.

Красная Хворь больше не была легендой. Она стала дыханием острова. Каждый вздох — смесь страха и жажды, каждое слово молитвы — звон колокола, возвещающего гибель.

Санкориум превращался в симфонию ночи, где золото и кровь сливались в одну мелодию, а спасение и проклятие перестали различаться. И никто уже не мог сказать, где кончается иллюзия и начинается истинная тьма.

Год 3277 месяц земли.

Тиль сидел в кресле, медленно покачиваясь, и курил тяжёлую сигарету. Дым ложился в комнате плотными слоями, смешиваясь с треском старого телевизора. На экране — захваченные сектантами новости. Лица в масках, искажённые

голоса, лозунги о том, что Королевство Золотого Орла готовит захват, что враг уже близко, что кровь — единственный ответ.

Тиль молча слушал.

Когда очередной проповедник закричал о священной войне, он наклонился вперёд и затушил сигарету прямо об экран. Телевизор зашипел и погас. Комната погрузилась в тишину.

Он вышел в зал.

На диване сидела его жена — роскошная, красивая, чужая. Вокруг неё лежали раскрытые чемоданы. Одежда была аккуратно сложена, будто она собиралась не бежать, а уезжать навсегда.

— Тиль, сука, давай быстрее, — сказала она, не поднимая глаз. — Работы нет, денег нет, я больше не могу тут жить. У нас рейс в Ридию. Ты вообще собираешься ехать?

Он усмехнулся, почесал щетину.

— Ридия... Деньги... — пробормотал он. — Что толку? И ей придёт конец.

Она резко поднялась.

— Ты полоумный придурок. Либо ты сейчас слушаешь меня, либо останешься один. Со своими руками. И со своей головой.

Тиль спокойно сделал шаг вперёд.

— Александр перешёл реку Ордаган и покорил Синих Эльфов, — начал он.

Она закатила глаза.

— Опять твой Александр. Ты им одержим.

Он внезапно закрыл ей рот ладонью. Она вздрогнула, испугалась, замерла.

— Ты перебила меня.

Он говорил тихо, почти нежно.

— Александр перешёл реку Ордаган и покорил Синих Эльфов. Потом сокрушил тысячи. Города, народы, всё, что могло сопротивляться. А теперь его империя пала. И самого

его нет.

Он убрал руку.

— Ты думаешь, всё, что происходит здесь, — дело рук сектантов? — продолжил он. — Я детектив с юности. Следопыт. Я нюхаю зло, как псы землю. И я откопал одно: Александрия прислала сюда своего человека. Всё это — его работа. У него есть план.

Она оттолкнула его.

— Пошёл ты... псих, — сказала она с дрожью. — С кем я жила всё это время...

Она быстро собрала вещи, захлопнула чемоданы и вышла, хлопнув дверью.

Тиль остался один.

Комната была пуста. За окном сгущались тучи, и первые капли дождя начали стучать по стеклу — будто остров сам готовился заплакать.

Тиль смотрел в темноту и знал:

Дождь смывает следы,

Но не смывает правду.

Тиль долго шёл по следам пропавших детей.

Следы были рваными, словно сама земля не хотела помнить, кто по ней проходил. Он читал их легко — обрывки ткани, сломанные ветви, пятна, которые дождь так и не смог смыть.

Он был облачён в чёрный доспех, потёртый и исцарапанный, словно переживший не одну войну. Круговые дробовики висели на ремнях — тяжёлые, надёжные, созданные не для угроз, а для исполнения приговора.

Он нашёл виновницу.

Она стояла посреди двора, рыцарь с железным лицом, увенчанным короной. Металл маски был холоден и безлик. На его глазах она убила молодых родителей — быстро, почти буднично. Потом — их ребёнка. Без колебаний.

Что-то в Тиле оборвалось.

Он обрушил на неё шквал огня. Выстрелы рвали воздух,

дробь вгрызалась в металл и плоть. Дева рухнула на колени, потом на бок, истекая кровью. Меч выпал из её рук и глухо ударился о камень.

Тиль подошёл ближе.

— Зачем? — спросил он.

Голос его был пуст.

— Я... служу... — прохрипела она. — Они... их коснулась эхосфера. Они — опасность режиму.

Тиль опустился рядом и снял с неё маску.

Кровь хлынула сразу, будто лицо удерживало её внутри. Под металлом не было настоящей плоти — дева оказалась гомункулом, выращенным инструментом, созданным для убийства и повиновения.

Но она была не одна.

Тиль нашёл остальных.

Каждого.

И убил их всех.

Это не приносило облегчения.

Ему было жаль их — тоже дети, выращенные и натравленные на других детей, лишённые выбора ещё до того, как научились понимать, что такое выбор.

Каждый раз Тиль сдерживал слёзы.

Каждый раз — почти.

Но иногда, когда ночь была особенно тихой,

Они всё же выходили —

Под холодный лунный свет,

Где некому было его осудить.

И остров молчал,

Принимая ещё одну кровь

В счёт долга,

Который никогда не будет выплачен.

Королевство Золотого Орла родилось не из амбиций, а из страха.

Оно стало отделившейся частью острова, отколовшимся куском Санкориума, который больше не желал быть жертвой.

Дети, которых коснулась эхосфера, пропадали не случайно. Режим боялся их — и боялся не зря. В них было что-то иное: способность слышать то, что скрыто, видеть трещины в мире, чувствовать приближение беды раньше других. Они были опасны для порядка, построенного на лжи и крови.

Когда пробили колокола, всё изменилось.

В ту ночь брат и сестра вышли из тени. Их имён сначала никто не знал. Родители спрятали их, отдав за это собственные жизни. Кровь взрослых стала печатью, за которой дети выжили.

Из укрытий, подвалов и развалин начали выходить такие же — отмеченные горем, гонимые, обречённые обычные люди. Они собрались не ради мести, а ради выживания. Но выживание быстро превратилось в восстание.

Города пали. Гарнизоны были сметены. Знамёна Санкориума горели на ветру, а на их месте поднимался золотой орёл — символ свободы, вырванной из пасти смерти.

Так были захвачены огромные территории.

Королевство Золотого Орла провозгласило независимость, и Санкориум потерял не просто земли — он потерял будущее, которое сам пытался уничтожить.

Колокола били не в унисон — каждый звучал со своей болью.

Их звон разрывал воздух над равниной, где сошлись вера и ярость.

Сектанты пришли первыми.

Они шли плотной массой, в багряных одеждах, с символами Богини Крови, вырезанными прямо на коже. Они пели — хрипло, надрывно, захлёбываясь собственной слюной. Их молитвы были не просьбами, а приказами. Земля под ногами дрожала, и из трещин выползала тьма.

Когда пролилась первая кровь, демоны откликнулись.

Они выходили из разрывов в воздухе — рогатые, много-рукие, лишённые формы, будто сотканные из чужих кошмаров. Их тела пульсировали, капая алым на камни. Каждый их шаг сопровождался визгом, от которого трескались щиты и лопались барабанные перепонки.

И тогда вперёд вышел Розолин.

Его доспех сиял золотом даже под свинцовым небом. На груди — знак Орла, не украшение, а клятва. Он не кричал. Он просто поднял меч — и армия рыцарей Золотого Орла сомкнула строй.

Щиты ударились друг о друга.

Копья опустились.

Мечи вышли из ножен.

Первый удар был сокрушительным.

Рыцари врезались в сектантов, ломая их строй, дробя кости, рвя плоть. Кровь лилась рекой, но люди в багряном не отступали — они радовались каждому удару, каждому погибшему. Они умирали с улыбками, выкрикивая молитвы своей богине.

Демоны ударили с флангов.

Один из них разорвал рыцаря пополам, словно тряпичную куклу. Другой обвился вокруг знамени Орла, пытаясь задушить символ надежды. Но Розолин прорубался сквозь тьму, его меч оставлял за собой след света, будто сам металл ненавидел демоническую плоть.

— Держать строй! — раздался его голос, перекрывая рёв ада.

Рыцари падали. Поднимались. Падали снова.
Каждый шаг вперёд стоил жизни.

Сектанты начали резать себя, вскрывая вены, усиливая призыв. Воздух стал густым, тяжёлым. Демонов стало больше. Но вместе с этим росла и ярость Золотого Орла.

Когда Розолин сразил первого кровавого жреца, крик сектантов перешёл в вой. Их магия дрогнула. Разрывы начали схлопываться. Демоны визжали, исчезая в собственных тенях.

Поле боя превратилось в месиво.

К концу битвы земля была чёрной от крови, а небо — пустым. Сектанты либо мертвы, либо бежали, бросая алтари и

идолов. Демоны исчезли, оставив после себя лишь вонь серы и тишину.

Розолин стоял среди павших. Его доспех был покрыт трещинами и кровью — чужой и своей. Он смотрел на армию, от которой осталась лишь половина.

Небо разорвалось.

Не молнией — ревом.

Из-за холмов вышли драконы без крыльев — древние, тяжёлые, как сама земля. Их чешуя была изрыта шрамами, пасти дымились жаром, а каждый шаг сотрясал поле боя. Они не летали — они ломали мир, вгрызаясь когтями в камень и плоть.

За ними двигались великаны.

Закованные в цепи и ритуальные пластины, они несли на плечах баллисты, словно детские игрушки. Каждый их удар дубиной превращал строй сектантов в кровавую кашу. Они не кричали — только дышали тяжело, как кузнечные меха.

Между ног великанов, словно тени, скользили саблезубые кошки. Огромные, быстрые, с глазами цвета янтаря. Они

прыгали, вгрызались в горло демонам, рвали заклинателей прежде, чем те успевали закончить молитву.

Рыцари Золотого Орла пошли следом.

И тогда ад ответил.

Из алтарей вырвались кровавые демоны — массивные, из плоти и костей, с клинками, выросшими прямо из рук. Они шли без страха, потому что страх был их пищей. Там, где они ступали, земля становилась липкой и живой.

А за ними поднялся он.

Верховный Кровавый Лич.

Некромант, в котором не осталось ничего живого, кроме воли. Его тело держалось на гвоздях и чарах, сердце билось вне груди, в багровом сосуде. Он поднял посох — и мёртвые встали. Рыцари, сектанты, дети — всё, что пало прежде, поднялось с поля боя, истекая тёмной кровью.

— ВПЕРЁД! — крикнул Розолин.

Драконы без крыльев столкнулись с демонами, пасть в пасть. Один из них сомкнул челюсти на твари размером с

башню и раздавил её, но сам был пронзён кровавыми копьями и рухнул, сотрясая землю.

Великаны шли сквозь мертвецов, ломая их сотнями. Но Лич указал — и цепи на телах великанов ожили, впиваясь в плоть, тянули их на колени.

Саблезубые кошки добрались до некромантов. Клыки рвали роботы, лапы дробили кости. Но кровь на земле оживала, превращаясь в цепкие щупальца.

Розолин шёл к Личу.

Каждый шаг давался ценой жизни его рыцарей. Демоны пытались сомкнуться вокруг него, но Орёл не отступал. Его меч сиял не светом — ненавистью к тому, что не должно существовать.

Лич рассмеялся. Смех его звучал, как звон костей.

— Всё это уже мертво, — сказал он. — Ты лишь отказываешься это принять.

Розолин ответил ударом.

Меч рассёк посох, затем — сосуд с сердцем. Кровь взо-

рвалась, заливая поле боя, и на мгновение всё стихло.

Демоны закричали.

Мертвецы рассыпались.

Лич упал, распадаясь на пепел и кости.

Розолин взмыл в небо.

Не крылья несли его — воля. Воздух вокруг него дрожал, будто сам мир сопротивлялся тому, что человек осмелился нарушить его законы. Золотой молот воплатившийся в его руках пульсировал светом, древним и тяжёлым, словно в него была вбита память тысяч павших.

Он обрушился вниз.

Удар молота расколол землю. Волна силы прошла по полю боя, сметая демонов, разрывая их тела на куски плоти и пепла. Великаны подняли головы, видя его в небе, и заревели — не от ярости, а от надежды.

Розолин бил снова и снова.

Каждый удар — как приговор.

Каждый взмах — как падение крепости.

Из его рук вырвались лучи энергии — ослепительные, золотые, прожигающие демоническую плоть насквозь. Демоны кричали, когда свет выжигал их изнутри, превращая в тени, которые тут же рассыпались. Затем он сжал ладонь — и выпустил шары чистой силы, взрывающиеся в воздухе, разрывая целые скопления кровавых тварей.

Сектанты падали на колени, не понимая, бог это или палач.

Второй Верховный Кровавый Лич поднял руки, призывая остатки тьмы. Кровь на поле боя поднялась стеной, превращаясь в копья и цепи, устремлённые к Розолину. Они обвились вокруг него, тянули вниз, рвали доспех.

Он зарычал.

Свет вырвался из него вспышкой. Цепи испарились. Кровь закипела.

— Я — не бог, — прогремел Розолин, летя вперёд. — Я — ответ.

Он врезался в Лича, как падающая звезда.

Молот встретился с посохом. Раздался треск, будто сломалась сама реальность. Вторым ударом Розолин разбил сосуд с сердцем. Третьим — вбил Лича в землю, туда, где ему и было место.

Когда всё закончилось, он медленно опустился на поле боя.

Свет вокруг него гас. Из его рук капала кровь — человеческая, настоящая. Он тяжело дышал, и впервые за всю битву выглядел не как легенда, а как человек, измотанный до предела.

Земля кончилась у моря.

А море — ответило.

Из тумана поднялись кровавые кракены. Их щупальца были толще башен, кожа — полупрозрачная, внутри пульсировали потоки алой жижи, в которой угадывались лица, кости, обрывки доспехов. Они не выползали — они всплывали, словно сам океан решил исторгнуть собственные внутренности.

И тогда загремели трубы титанов.

Из прибрежных доков вышли механические титаны —

древние колоссы из стали, шестерён и заклиний. Их шаги дробили скалы, суставы скрипели, как старые гробницы. В груди каждого билось ядро — не сердце, а заточённый свет, питаемый жертвами и верой.

Первый кракен ударил.

Щупальце хлестнуло, сметая бастионы и людей, словно мусор. Море взорвалось брызгами крови. Но титан ответил — его рука, размером с крепостную стену, сомкнулась вокруг плоти твари. Металл вгрызался в мясо, пар поднимался, когда алхимическое пламя прожигало щупальце изнутри.

Кракен взвыл.

Другие ринулись вперёд. Щупальца опутывали титанов, тянули их в море. Один колосс упал на колени, металл трещал, заклёпки вылетали, но он успел выстрелить — из его плеча вырвался гарпун, пробивший голову чудовища насквозь.

Кровь залила волны.

Титаны шли дальше, медленно, неотвратно. Их пушки били раскалёнными ядрами, разрывая плоть кракенов. Некоторые машины тонули, утянутые в глубину, но даже падая,

они продолжали стрелять, пока вода не гасила ядра.

Один из кракенов поднялся выше остальных. Его тело было увенчано знаками Богини Крови, а в центре массы пульсировал алтарь — живой, шепчущий. Он обрушился на титан сразу несколькими щупальцами, разрывая броню.

Титан ответил последним жестом.

Он перегрузил своё ядро.

Свет вырвался наружу, ослепительный и смертельный. Взрыв испарил воду, разорвал кракена на куски и оставил на берегу стеклянный кратер. Сам титан рухнул, расплавленный, но победивший.

Когда всё стихло, море отступило.

Оно было красным.

Из десятков титанов уцелели единицы. Кракенов больше не было видно — лишь обломки плоти и медленно тонущие тени.

Берег дымился.

Небо было разорвано дымом и пеплом. Море отступило,

оставив берег изломанным и красным. Земля дышала жаром, пропитанным кровью демонов, людей и машин. В этой тишине не было победного крика — только треск остывающего металла и стоны умирающих.

Розолин стоял на горе трупов.

Под его ногами лежали кровавые демоны, разорванные сектанты, обугленные остатки титанов и плоть кракенов, выброшенная морем. Тела были смяты, раздавлены, сплавлены друг с другом, как если бы сама война решила оставить памятник себе.

Он был весь в крови.

Не сияющий герой, не идол — воин, переживший слишком многое. Его доспех был расколот, свет в нём едва теплился. Кровь стекала по рукояти золотого молота, капала вниз, исчезая среди мёртвых.

Розолин поднял молот вверх.

Медленно.

Тяжело.

Как поднимают не оружие, а приговор.

В небе разошлись тучи, и сквозь них пробился бледный свет. Он коснулся молота, и металл ответил слабым, уставшим сиянием — не торжеством, а последним дыханием силы.

Армия Золотого Орла, те, кто ещё стоял, опустились на колени.

Не в поклонении.

В изнеможении.

Розолин не кричал.

Не провозглашал победу.

Он смотрел на поле боя и знал:

Они выжили,

Но мир — нет.

Молот дрогнул в его руке.

Победа была одержана.

Глава 2

Розолин вошёл в покои своей сестры — Далии.

Комната была залита лунным светом. Белые занавеси едва

колыхались, и тени от них ложились на стены, словно медленные волны. Они были похожи — оба рыжеволосые, словно пламя породило их в один день. Но глаза Розолина горели ярким жёлтым светом, слишком живым для человека.

Далия сидела у окна и играла на своём инструменте. Он был древним, странным — струны отзывались не только звуком, но и рифмами, будто каждая нота рвала ткань тишины.

Её голос вплетался в мелодию, чарующий и тревожный, как песня перед бурей.

Розолин сел рядом.

Молчал.

— Дорогая... — наконец сказал он. — Тебя что-то беспокоит?

Музыка оборвалась.

— Мы слишком успешно захватываем остров, — тихо ответила она. — Богиня Ночи показала мне видение. Фигуру... зловещую. Я не смогла разглядеть лица, только силу. Мне кажется, это рок судьбы, Розолин.

Она прижалась к его груди — не как женщина к мужчине, а как пророк к якорю, удерживающему её в реальности. Он

положил ладонь ей на плечо. Рука его была тяжёлой, тёплой, почти не человеческой.

— Не беспокойся, — сказал он. — Пока я рядом, тебе не стоит бояться никакого зла.

Он говорил уверенно.

Слишком уверенно.

Их губы сплелись в страстном поцелуе, и они рухнули в кровать.

Инструмент медленно соскользнул с её колен и замер на покрывале, затем сполз на пол от каждого из их движений. Музыка стихла, но напряжение осталось, повисло в воздухе, плотное, как дым.

Луна смотрела в окна дворца.

А в звёздах, между разрывами облаков, угадывались очертания Богини Ночи — не благословляющей...

А наблюдающей за миром.

Тиль остался один.

Больше нечего было терять.

Дом опустел, как выжженное поле. Тишина давила сильнее, чем крики и выстрелы. Он не стал зажигать свет и не стал собирать вещи — прошлое не нуждалось в прощании. Тиль надел доспех, проверил оружие, привычным движением закрепил ремни. Всё это он делал десятки раз, но сегодня движения были медленнее. Осознаннее.

Он знал, куда идёт.

Дворец правителя возвышался над городом, как гниющий зуб. Его стены ещё сияли мрамором, но под ним скрывалась плесень власти, пропитанная страхом и кровью. По мере приближения улицы пустели. Люди прятались за ставнями, будто чувствовали: этой ночью что-то будет решено.

Периметр был оцеплён.

Стража стояла плотными рядами, факелы отбрасывали дрожащие тени. Это были не обычные солдаты — их движения были слишком синхронными, взгляды пустыми. Они не переговаривались. Они ждали.

И над всем этим — Леди Сиф.

Она стояла у главных ворот, спокойная, неподвижная, словно статуя, поставленная здесь задолго до осады. Зеленое

одеяния спадали ровно, без складок. Лицо — без выражения. Глаза — внимательные, знающие.

Она командовала стражей жестами, почти незаметно. И каждый жест исполнялся мгновенно, без колебаний. Это была не дисциплина — это было подчинение.

Тиль остановился в тени разрушенной колонны и смотрел.

Он понял:

Дворец уже не принадлежал правителю.

Он принадлежал ей.

И если правда жила где-то внутри этих стен,

То путь к ней лежал

Через кровь.

Тиль выдохнул.

— Ну что ж, — тихо сказал он в пустоту. — Послушаем твою симфонию, Леди Сиф.

И шагнул вперёд.

Тиль не пошёл прямо.

Прямые пути выбирают те, кому есть кого впечатлять. У него не осталось ни зрителей, ни оправданий. Он растворился в развалинах, скользя вдоль стен, там, где свет факелов не доставал до земли. Доспех был чёрным не ради красоты — каждая пластина глушила звук, каждая застёжка была подогнана под тишину.

Он считал шаги стражи.

Трое у восточной стены. Два — у садовой галереи. Один — лишний. Всегда есть лишний, тот, кто думает, что в эту ночь ничего не случится.

Тиль оказался за его спиной прежде, чем тот успел вдохнуть. Лезвие вошло под рёбра — быстро, точно. Он придержал тело, дал ему осесть медленно, почти бережно. Кровь впиталась в камень, не оставив следа.

Он двигался дальше.

Сад был мёртв. Фонтаны не работали, статуи были разбиты — лица богов стёрты, словно кто-то не хотел, чтобы они видели происходящее. Тиль пересёк пространство, прижимаясь к тени живой изгороди. Камеры наблюдения — новые, александрийские — он заметил сразу. Слепил одну зеркальным осколком, вторую — коротким импульсом глу-

шителя.

В замке пахло ладаном и кровью.

Коридоры были узкими, звук шагов тонул в коврах. Дважды он замирал, когда мимо проходили патрули. Один из стражников прошёл так близко, что Тиль услышал его дыхание — ровное, не человеческое. Подчинённое.

Он понял:

Это уже не люди.

Это сосуды.

Лестница вниз вела под тронный зал. Тайный ход, старый, ещё с тех времён, когда правители боялись собственного народа. Тиль нашёл его без труда — он всегда находил такие места. Стены здесь были влажными, покрытыми знаками, выцарапанными ногтями. Кто-то уже пытался уйти этим путём. Не вышло.

Наверху раздался звук — не шаги, а пение.

Тихое, женское.

Сиф.

Тиль замер, прислонившись к стене. Он знал: если она почувствует его сейчас — всё кончено. Он выровнял дыхание, замедлил сердце, стал тенью среди камней. Так его учили. Так он выживал.

Он поднялся ещё на один пролёт.

Сквозь щель в двери он увидел свет. Тронный зал был залит багровым сиянием. Стража стояла на коленях. А в центре — Леди Сиф, с закрытыми глазами, словно дирижёр перед кульминацией.

Тиль сжал оружие.

Он был внутри.

И назад дороги уже не существовало.

Даже повелитель острова стоял перед ней на коленях.

Не на троне — трон пустовал, отодвинутый в тень, как ненужный реквизит. Корона лежала на каменном полу, перевернутая, запятнанная тёмными каплями. Руки правителя дрожали, спина была согнута, взгляд — опущен. Он не выглядел пленником. Он выглядел верующим.

Леди Сиф стояла перед ним, спокойная, неподвижная. Её голос, когда она заговорила, был тихим, почти ласковым, но каждый звук проникал под кожу.

— Ты хорошо послужил, — сказала она. — Ты привёл остров туда, куда он должен был прийти.

Повелитель кивнул, словно получая благословение.

Тиль видел всё это из тени колонн. Он не чувствовал удивления — только подтверждение. Все нити сходились здесь. Деньги, пропавшие дети, секты, демоны, хворь — всё вело к этой фигуре.

Стража вокруг не двигалась. Они не охраняли правителя. Они охраняли её.

Сиф подняла руку — и правитель вздрогнул, словно его коснулось пламя. По его губам скользнула улыбка, полная стыда и восторга.

— Я отдал тебе всё, — прошептал он. — Остров... народ... себя.

— Я знаю, — ответила она. — Поэтому ты ещё жив.

Тиль медленно поднял оружие.

Он понял:

Если он выстрелит сейчас —

Он выстрелит не в женщину,

А в сердце катастрофы.

И либо остров начнёт умирать по-настоящему,

Либо — наконец сможет умереть честно.

Но в тени Тиль был не один.

Воздух за его спиной сгустился, стал вязким, тяжёлым. Он почувствовал это за миг до удара — слишком поздно, чтобы исчезнуть. Кровавый демон, скрытый среди стражи, рванулся вперёд. Его тело было вытянуто, словно собранное из сгустков плоти и жил, а пасть раскрылась, исторгая запах железа и гниения.

Удар отбросил Тиля вперёд.

Он врезался в колонну, камень треснул. Тень, в которой он скрывался, рассыпалась, и он оказался на свету — перед тронным залом, перед коленопреклонённым правителем, перед всей стражей.

Перед Сиф.

На мгновение воцарилась тишина.

Затем Леди Сиф медленно обернулась. В её глазах не было удивления — только холодное удовлетворение, будто последняя нота наконец заняла своё место.

Она обнажила меч.

Клинок был тонким, тёмным, по его поверхности текли алые руны, словно он пил свет зала. Когда металл вышел из ножен, стража вздрогнула — не от страха, а от восторга.

— Убить его, — сказала Сиф спокойно.

Голос её не был громким. В этом не было нужды.

— Убить .

Стража поднялась с колен одновременно. Кровавый демон зашипел, расправляя конечности. Маги отступили к стенам, начав плести заклинания. Арбалеты щёлкнули, натягивая тетивы. Клинки обнажились, отражая багровый свет.

Тиль поднялся на одно колено.

Кровь текла из рассечённого виска, заливая глаз, но он видел ясно. Он медленно поднял дробовики, проверил заряд — по привычке, почти с нежностью.

— Значит, вот как, — произнёс он хрипло.

Он оглядел зал.

Правитель всё ещё стоял на коленях.

Сиф — с мечом.

Демоны — голодные.

Стража — готовая умереть за чужую волю.

Тиль выпрямился.

— Ну что ж... — сказал он. — Тогда давайте закончим эту симфонию.

И первый выстрел разорвал тронный зал.

Дробь ударила в грудь ближайшего стражника, отбросив его назад, словно куклу. Второй выстрел — в голову кровавому демону. Плоть взорвалась, но тварь лишь взвыла, отшатнувшись, — слишком живая, слишком проклятая, чтобы пасть сразу.

Тиль двигался.

Он знал: остановка — смерть.

Стража сомкнулась. Клинки вспыхнули багровым светом. Арбалетные болты прошили воздух — один ударил в плечо, пробив доспех и вбив Тиля в колонну. Он зашипел от боли, но не закричал. Ответил выстрелом почти в упор — лицо нападавшего исчезло в облаке крови.

Маг ударил первым заклинанием.

Кровь на полу ожила, взметнулась шипами и впилась Тилю в ногу. Кость треснула. Он рухнул на колено, но тут же перекатился, оставляя за собой кровавый след. Дробовик в левой руке щёлкнул — пусто. Он отбросил его и выхватил клинок.

Демон снова бросился.

Щупальце разорвало ему бок. Тиль почувствовал тепло — слишком много тепла. Он ударил вслепую, вонзая клинок в пасть твари, затем выстрелил последним зарядом прямо внутрь. Демон рухнул, дёргаясь, заливая пол алым.

Но Тиль уже шатался.

Его дыхание стало рваным. В глазах темнело. Каждый шаг отдавался болью — нога не держала, плечо онемело, кровь стекала под доспех.

Стража наступала.

Он бился, как загнанный зверь. Ломал пальцы, дробил колени, стрелял в упор, пока оружие не нагревалось в руках. Один удар мечом рассёк ему лицо — мир вспыхнул белым, левый глаз перестал видеть. Второй клинок вошёл под рёбра, и Тиль почувствовал, как что-то внутри оборвалось.

Он выдернул оружие из себя и ударил в ответ.

Они падали вокруг него — но их было слишком много.

Он получил удар по спине — доспех треснул. Затем — по шее. Он упал, снова поднялся, опираясь на стену, оставляя на ней кровавые отпечатки ладоней.

Всё тело горело.

Каждый вдох был как нож.

Он видел Сиф сквозь пелену крови. Она стояла неподвижно, наблюдая, как дирижёр за финалом симфонии. Меч её был чист — она не спешила.

Тиль рассмеялся. Хрипло. С надрывом.

— Вот значит как... — прошептал он. — Всегда хотел умереть... правильно.

Он сделал последний рывок.

Врезался в стражу, как осколок. Убил ещё двоих. Потом третий удар пробил ему грудь. Мир качнулся. Ноги подкосились.

Тиль упал на колени.

Кровь растекалась под ним, тёплая, живая. Руки дрожали. Оружие выпало. Он больше не мог подняться.

Но он всё ещё был жив.

И в этом — была его последняя, злая победа.

Потому что, даже умирая,
Он смотрел на Сиф не со страхом —

А с пониманием.

И где-то глубоко в замке
Что-то отозвалось на эту жертву,
Как будто смерть Тиля
Стала не концом,
А началом новой ноты
В симфонии ночи.

Тиль улыбнулся.

Кровь стекала по его подбородку, дыхание рвалось из груди, но улыбка была настоящей. Спокойной. Почти тёплой.

Они забыли одну вещь.

Тиль никогда не входил в здание, не готовя выход.
Даже если выход был только один — вниз.

Пока он шёл по замку, пока скрывался в тенях, пока считал шаги и слушал пение Сиф, он оставлял за собой подарки. Мины — старые, надёжные, спрятанные в несущих колоннах, под алтарями, в пустотах пола. Он делал это не спеша. Как всегда.

И теперь таймер оборвался.

Сначала был щелчок.
Тихий. Почти нежный.

Потом — вспышка.

Тронный зал взорвался светом и огнём. Пол ушёл вниз, стены разорвались, колонны лопнули, будто кости. Ударная волна смела стражу, демоническую плоть и молитвы в один крик.

Правитель острова даже не успел закричать.

Камень под ним обвалился, и он рухнул в бездну — корона слетела с головы, отражая последний отблеск огня, прежде чем исчезнуть во тьме. Его падение длилось недолго. Но достаточно, чтобы он понял: ему больше некому молиться.

Сиф побежала.

Впервые — не величественно, не как дирижёр, а как человек. Обломки сыпались с потолка, треск стоял оглушающий. Она пыталась увернуться, перепрыгнуть, спасти себя.

Не успела.

Огромный камень сорвался сверху. Удар был мгновенным. Тело Сиф исчезло под массой камня, пол под ней проломился, и она рухнула вместе с обломками, раздавленная, сломанная, прекращённая.

Без крика.

Без финальной речи.

Замок рушился целиком.

Залы, коридоры, алтари, тайные ходы — всё складывалось внутрь себя, как гниющая рана, наконец закрывающаяся. Пламя пожирало гобелены и символы власти. Камень ломал камень. История — историю.

Тиль остался там.

Когда последний взрыв сотряс фундамент, он уже не чувствовал боли. Только тепло. И странное облегчение.

Замок полностью рухнул.

А над развалинами поднялся дым — чёрный, густой, видимый из любой точки острова.

Люди потом будут говорить, что это был знак.
Что ночь тогда длилась дольше обычного.
Что море молчало.

Но правда была проще.

Иногда,
Чтобы симфония закончилась,
Кто-то должен
Сгореть вместе с залом.

Но его жертва не принесла покоя.

Она принесла вакуум.

Когда власть исчезла, остров не вздохнул свободно — он захлебнулся. Клань, десятилетиями подавляемые страхом и золотом, подняли знамёна. Старые обиды всплыли, как трупы после шторма. Каждый объявил себя законным наследником рухнувшего трона.

Секты никуда не делись.

Они лишь перестали прятаться. Без Сиф их ритуалы стали грубее, кровавее, лишённые дирижёра, но не смысла. Демоны всё ещё бродили по окраинам городов и в провалах

земли, питаюсь страхом и безвластием. Красная хворь не отступила .

И всё же что-то изменилось.

Дети, которых коснулась эхосфера, больше не исчезали.

Их больше не уводили ночью.

Их не приносили в жертву.

Их не называли «необходимой мерой».

Они по-прежнему были опасны.

Но впервые — свободны от смерти.

Розолин наблюдал за этим с высоты захваченных территорий.

Он видел хаос не как проклятие, а как возможность. Разрозненный враг, лишённый центра, был удобной добычей. Его рыцари уже готовили походы, картографы — новые границы, жрецы — оправдания будущей войны.

Розолин улыбался.

Он считал, что время играет на него.

Но в следующую ночь
Произошло другое зло.

Небо над островом потемнело, хотя не было ни туч, ни бури. Звёзды погасли одна за другой, словно кто-то закрывал их ладонью. Луна стала бледной, почти прозрачной.

И этой ночью
Санкориум понял:
Все прежние ужасы
Были лишь прологом.

Далия сидела в своей комнате, всё так же играя на инструменте. Окно было распахнуто, ночной ветер колыхал шторы, принося запах моря и холод камня. Мелодия лилась ровно, но мысли её были далеко.

Она думала о брате.
О том, как ещё можно было его спасти.
И о том, что уже слишком поздно.

Что-то шевельнулось за её спиной.

Далия обернулась — и огромная рука сжала её лицо. Холодная, неестественно сильная. Через мгновение она исчезла, но вместе с ней исчезла и воля. Разум Далии стал мягким,

податливым, как воск под пламенем.

Перед ней стоял Александр.

— Прекрасная Далия, — произнёс он спокойно. — Сиф и её агенты много рассказывали мне о тебе. О том, как ты и твой брат мешаєте моим планам.

Он провёл рукой по её волосам, будто оценивая вещь.

— Жаль, что ты такая мерзкая, — продолжил он без эмоций. — Я слышал о вашей с братом особенности. Отделённые от родителей. Доверяющие только друг другу.

Это так отвратительно... как близко вы сблизились.

Он усмехнулся.

— Сиф погибла. Хаоса стало больше. Но это уже не имеет значения.

Я уже победил.

Александр сделал шаг ближе.

— Когда всё уляжется, всё будет кончено.

Но есть определённые личности, которые мне мешают.

Он посмотрел ей прямо в глаза.

— Например, ты.
И твой брат.

Пауза.

— Я не могу позволить вам объединить остров и установить порядок.

Далия молчала. Инструмент выпал из её рук и тихо звякнул о пол. Луна светила так же ярко, ветер всё так же колыхал шторы — но ночь стала чужой.

И в этой тишине
Он уже решил её судьбу.
Александр сделал шаг назад и медленно поднял руку.

— Встань.

Тело Далии послушалось сразу. Она поднялась с кресла, движения были плавными, чужими, словно кто-то другой вспоминал, как нужно стоять. Глаза её оставались пустыми, взгляд — направленным в никуда.

Он обошёл её кругом, оценивая, как оценивают вещь пе-

ред использованием.

— Я слышал о твоём прекрасном голосе, — сказал он. — О том, как ты поёшь. Как твоя музыка может тронуть даже тех, у кого давно нет сердца.

Александр остановился перед ней.

— Так спой мне, — произнёс он тихо. — Песнь о моём отце.

Даля вдохнула.

Грудь поднялась, губы дрогнули. Где-то глубоко внутри что-то сопротивлялось — слабый, почти мёртвый отклик. Но он был задавлен, утоплен в чужой воле.

Она запела.

Голос был чистым, печальным. В нём звучала скорбь по великому завоевателю, по пеплу империй, по крови, пролитой во имя порядка. В каждой ноте — уважение, в каждом слове — память. Песнь текла медленно, как похоронный марш, как колыбельная для мира, пережившего слишком много войн.

Александр слушал, не моргая.

Его лицо оставалось неподвижным, но в глазах что-то шевельнулось — тень воспоминания или отражение былой гордости.

Когда песнь закончилась, в комнате повисла тишина.

Александр выдохнул.

— Да... — произнёс он наконец. — Именно так его и должны помнить.

Он посмотрел на Далию так, словно уже видел в ней не человека, а инструмент.

Далия пела тихо, почти шёпотом,
и голос её был старше самой комнаты.

> Отец твой шёл сквозь пепел стран,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.